

Правда В. Л.
Каноны советского лагерного следственного
делопроизводства по групповым процессам 1937-1938 годов

Особенности лагерного следственного делопроизводства указанных лет изучены нами по соответствующим директивам и постановлениям НКВД, а также по конкретным архивным документам ФСБ: групповым политическим процессам в различных ОЛП Сиблага. Это, прежде всего, дело архиепископа Павлина Крошечкина в Ново-Ивановском ОЛП и дело архиепископа Самойловича в Суловском отделении Сиблага, по которым в общей сложности было арестовано 22 человека, 17 из них казнено.

После печально известного секретного приказа НКВД № 00447 от 31 июля «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» карательная машина заработала с новой силой. В приказе особо указывалось, что в отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках (3).

Этот приказ утверждал порядок ускоренного и упрощенного ведения следственных дел. Перечислялись документы, которые должны быть приобщены к делу: «ордер на арест, протокол обыска, материалы изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение» (4; стр. 35). Особо отмечалось, что в процессе следствия «должны быть выявлены все преступные связи арестованного». Позже появились директивы НКВД, которые регламентировали следственные действия в лагерях. Согласно директиве НКВД от 5 августа 1937 года о проведении операции по приказу № 00447 в ГУЛАГе осуждение заключенных не предполагало нового следствия, аресты в лагерях осуществлялись на основании справок лагерной администрации. В справке приводились краткие биографические данные, судимости, сроки, состав обвинения. В подавляющем большинстве случаев это было стандартное обвинение в контрреволюционной деятельности: контрреволюционная пропаганда, участие в контрреволюционной группе. Это обвинение подводило арестованного под статью 58 УК РСФСР, за которую полагался в том числе и расстрел. Это позволяло ускоренно выполнять план по количеству расстрелянных во исполнение приказа. Если все прочие документы личных дел были датированы, то на справке даты зачастую отсутствовали. Возможно для того, чтобы завуалировать стахановские методы ведения дел. Обращает на себя внимание то, что в некоторых справках названия должностей и званий написаны с большой буквы, как прежде писалось слово «Бог» и «Господь». Например, справка, составленная лагерной администрацией, по делу Самойловича в Суловском лагере подписана: «Начальник Управления ИТЛ № 3 по УНКВД по ЗСК, Ст. Лейтенантом Госбезопасности [...] и Зам. Начальника Управления ИТЛ № 3 по УНКВД по ЗСК Лейтенантом Госбезопасности [...]» (квадратными

скобками отмечены пропуски имен в личных делах – В П.)» (ссылка). Обвинения в справке сводилось к нескольким строкам: На заключенного Сусловского отделения № 3 священника Дорофея Сидоренкосводилось к следующему. «Отбывая меру соцзащиты при Суловском отделении состоял в к-р группе и систематически занимался контрреволюционной агитацией. В ночь на 3-е августа 1937 года уч. на собрании (так в тексте – В.П.) к-р группы, на котором вели к-р агитацию. 12 августа 1937 года также участвовал на собрании и молении под руководством з/ [Самоловича].

Заключенного Сидоренко надлежит арестовать и предать суду по ст. 58-10-II УК РСФСР».

Обвинения, которые были сформулированы в справках, слово в слово переписывались в постановлении об избрании меры пресечения и в обвинительном заключении. По сути следствие сводилось к изготовлению следственных дел по правилам, которые устанавливались НКВД, и поэтому следствие проводилось столько времени, сколько требовалось для заполнения всех бумаг с перерывами на допрос, а именно 2-3 дня.

Обвинения, которые были сформулированы в справках, слово в слово переписывались в постановлении об избрании меры пресечения и в обвинительном заключении. По сути следствие сводилось к изготовлению следственных дел по правилам, которые устанавливались НКВД, и поэтому следствие проводилось столько времени, сколько требовалось для заполнения всех бумаг с перерывами на допрос, а именно 2-3 дня.

В качестве доказательства приводились самые разнородные и разношерстные высказывания заключенных о колхозах, о показательных процессах и врагах народа. Следователей нимало не заботило, что из этих отдельных высказываний никак не складывается картина организованного заговора или существования группы, ничего не доказывало руководство Самойловича. Но и это не заботило следователей. Они даже не пытались придать обвинительному заключению хоть какую-то цельность логичность.

Более того, в обвинительном заключении повторялись даже одни и те же фразы, но у разных обвиняемых, Очевидно это были слова одно го и того же усердного но не особенно сообразительного доносчика-свидетеля или следователя: Например, Борис Полонский обвинялся в следующем: «В конце мая месяца 37 года в подконвойном городке центральной свинофермы отличившейся бригаде за хорошую работу администрация лагеря вручила красное знамя. З/к Полянский иронически заявил: «Вместо красного знамени принесли бы лучше белый флаг и 100 рублей денег, это дело было бы лучше» (д. № П-9221, т.1.№ 175).

Владимир Соболев проводил ту же идею и в тех же выражениях: «В мае месяце 1937 года в подконвойном городке центральной свинофермы в присутствии заключенных бригады, которой было вручено красное знамя за отличную работу, говорил: «Вместо этого красного знамени нужно бы дать начальнику отделения ... пулю в лоб. Это дело было бы лучше. (д. № П-9221, т.1.№ 177).

Полонский якобы говорил: «Нами управляют шалманы, долго вы управлять не будете, придет время, когда вы отруководите» (д. № П-9221, т.1.№175)
Николай Сахаров якобы в мае месяце 1937 года говорил: «управляют лагерем шалманы, которые в недалеком будущем должны отруководить»(№ 178).

Протоколы обыска в лагерных делах за редким исключением отсутствовали, так как личного имущества у лагерников почти не было, как не было личных документов. В некоторых групповых делах присутствуют характеристики. Такие характеристики были в делах всех обвиняемых по делу архиепископа Крошечкина. Поскольку их давало лагерное начальство, все они были стандартно отрицательными и имели целью еще раз изобличить опасных контрреволюционеров. Характеристика на Анникова,

«Характеристика

на з/к Аников Куприян Григорьевич
статья 58д срок 10 лет л/д 57587

Завремя пребывания в Ново Ивановском лагере 3-й с/фермы на общих подконвойных работах к работе относился неудовлетворительно – безразлично, занимался разложением трудовой дисциплины среди рабочих бригад где организовывал лагерников по невыходу на работу создавая отказы.

Нач-к 3-й фермы (подпись)

Ст Воспитатель (подпись)» Архив УФСБ России по Кемеровской области, д., № П-12421, т. 1, л.д., № 63

Анкета арестованного заполнялась от руки по форме. Графы характеризовали социальный облик заключенного. Содержалась характеристика внешнего вида.

Протоколы лагерных допросов отличались стандартностью и краткостью. Следствие исходило из презумпции виновности Схема допросов была одинаковая: предъявлялись обвинения в к/р деятельности, участие в контрреволюционной группе и предлагалось дать показания по существу предъявленных обвинений. Когда обвиняемый отказывался, зачитывались показания свидетелей или других осужденных и повторялся призыв сказать следствию правду. Зачастую все обходилось и вовсе без всяких свидетельских показаний.

Свидетели выступали исключительно со стороны обвинения, что было повсеместной следственной практикой тех лет.

Следуя инструкциям приказа № 00447 о том, что в процессе следствия «должны быть выявлены все преступные связи арестованного», допросы следователи нередко начинали с предложения подследственному рассказать о своих знакомствах, контрреволюционных связях. Допрашивались обвиняемые всего один раз, включая и тех, кому отводилась роль руководителей контрреволюционных групп. Материал допроса умещался на одну, в редких случаях две-три рукописные страницы. Вот один из самых коротких протоколов допроса архимандрита Мины (Шелаева) по делу архиепископа Самойловича от 15 сентября 1937 года в суловском ОЛП :

«Вопрос: з/к Шелаев, вы знаете заключенных [...]»

Ответ: Да, знаю.

Вопрос: з/к Шелаев, вы признаете себя виновным в том, что вы, отбывая меру соцзащиты в Суловском отделении ИТЛ, состояли в контрреволюционной группе, цель которой была поставлена на срыв хлебоуборки и других мероприятий советской власти, в агитировании против советской власти?

Ответ: В контрреволюционной группе я не состоял и против советской власти я никогда не агитировал и виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю» (д. № П-9221, т.1.№ 65).

Больше вопросов у следствия не было.

Вся система доказательств строилась на высказываниях свидетелей-солагерников, точнее доносчиков: ни одного свидетельства в пользу заключенных не приводилось.

Обвинительное заключение появлялись через 2-3 дня, составлялись на всех сразу, чем и были удобны групповые процессы

В обвинительном заключении вновь повторялись те же самые обвинения – свидетельства доносчиков

Причем, и протоколы и постановления часто имели одну и ту же дату. Все делопроизводство, таким образом, занимало минимум один максимум три дня.

Далее дела направляются «тройкам» при УНКВД, которые судили заочно, вынося приговоры списками. Выписка из протокола заседания тройки УНКВД. Она появлялась через месяц-полтора, состояла из двух колонок: «Слушали» и «Постановили»

Слушали такое-то дело по такому-то обвинению и постановили такого-то расстрелять. Если тройка выносила приговор на расстрел, то к делу добавлялась выписка из акта о расстреле.

Место и время приведения в исполнение приговора о казни, согласно тому же приказу НКВД № 00447 сохранялись в тайне. Никто из родственников и близких не оповещался о расстреле. Духовные ученики арх. Павлина и через двадцать с лишним лет после его расстрела ничего не знали о судьбе владыки

Таковы были нормы по выражению Сталина «революционной законности»

Библиографический список

- 1 Архив УФСБ России по Кемеровской области, д. № 12421, т. 1
2. Архив УФСБ России по Кемеровской области, д. № П-9221, т.1.
3. «Большой террор»: 1937-1938. Краткая хроника. / Сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. URL <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007HrBT.htm> (дата обращения 10.09.2012)
4. Павлов С.М. Кузбасская голгофа. Кемерово Кузбассвузиздат, 2008. – 368 с.

5. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928-1941 гг. Изд-во СО РАН. Новосибирск. 1997. – 272 с.